

Госпожа Ци, лишившись сына-чжуанъюаня, ухитрилась заполучить зятя-таньхуа. И пусть в конечном итоге она осталась в убытке, но всё же не проиграла в пух и прах.

На брак дочери, Ци Цюэцяо, госпожа Ци изначально имела свои виды: она лелеяла надежду породниться с благородным семейством Чжэнь, чей глава служил великим учёным в Академии Ханьлинь. Однако госпожа Чжэнь самолично явилась к ней со странными вестями. Оказалось, её сын во время паломничества в храм повстречал дочь первого министра, вспылал к ней безумной любовью и поклялся, что не женится ни на ком другом, вынудив мать немедленно засылать сватов в столь знатный дом.

Госпожа Чжэнь отставила пиалу, промокнула губы шелковым платком и вальяжно улыбнулась:

— По правде говоря, мы ведь так и не ударили по рукам, так что я вовсе не обязана была приходить с объяснениями. Но дойди до тебя эти слухи через третьи уши, вышло бы совсем неловко.

— И я теперь должна тебя благодарить? — процедила госпожа Ци, едва сдерживая клокочущую ярость.

Женщины обменялись ещё парой едких колкостей и расстались, крайне недовольные друг другом.

Вскоре прослышавшая обо всём Ци Цюэцяо вихрем ворвалась в покои, заливаясь слезами и устраивая дикую истерику. Потерявшая в зрелом возрасте сына госпожа Ци и без того стала крайне вспыльчивой, а тут ещё и неразумная дочь вцепилась в её рукав, пытаясь утащить за собой к выходу, и требовала немедленно ехать в поместье Чжэнь — умолять молодого господина передумать. Почувствовав, как в висках бешено застучала кровь, госпожа Ци не выдержала и отвесила дочери звонкую пощёчину.

— Совсем умом повредила? — рывкнула она. — Тебя вышвырнули как ненужный хлам, а ты хочешь, чтобы я ползала перед ними на коленях и умоляла?!

Опешившая девушка схватила за горящую щеку и безутешно разрыдалась. Госпожа Ци в сердцах ударила себя кулаком в грудь и с горечью воскликнула:

— Смерть твоего старшего брата лишила меня последней опоры в этой жизни! Теперь ещё и с твоим замужеством беда... Голова кругом идёт! Был бы жив Фэнцзю, мне нашлось бы с кем посоветоваться. А от тебя никакого толку — один только плач да крики!

— А я-то тут при чём?! Разве я могу сравниться с покойным братом? Стоило ему умереть, как ты всю свою злобу решила выместить на мне! — Ци Цюэцяо топнула ногой, упрямо не желая

уступать. — Я ведь девица на выданье! Рано или поздно уйду в чужую семью. Какая от меня помощь? Разве что выйти завидным браком и утереть всем нос! Теперь же, когда Чжэни женятся на другой, какое лицо у тебя останется...

От столь дерзких речей госпожу Ци затрясло от ярости.

— Не зря говорят, что дочь — отрезанный ломоть! Какая же ты неблагодарная дрянь! Собралась замуж? Ну так без моего согласия ты даже за нищего не выйдешь, поняла?!

— Да какая ты мне мать после этого! Как можно быть такой злобной?! Ты же собственными руками рушишь всю мою жизнь!

Переругавшись в пух и прах, мать и дочь разошлись по своим углам, затаив обиду. И пускай в запале госпожа Ци наговорила лишнего, позже, поразмыслив над ситуацией, она вдруг застыла, а глаза её хищно блеснули. Озарение снизошло на неё: пусть она лишилась единственного сына, но ведь можно взять в дом зятя-примака! Уж лучше всё семейное достояние со временем уплывёт к человеку с чужой фамилией, чем достанется ублюдку, рождённому презренной наложницей!

Загоревшись этой мыслью, госпожа Ци развила бурную деятельность. В день оглашения результатов императорских экзаменов она приказала слугам отправиться прямо к вывешенным спискам и схватить занявшего третье место — таньхуа Линь Сяофэна. Её дочь, Ци Цюэцяо, мечтавшая исключительно об именитом муже из высшей аристократии, поначалу закатила скандал. Однако стоило ей мельком взглянуть на утончённого и благообразного юношу, как щёки её вспыхнули румянцем. Поломавшись для приличия совсем немного, она безропотно согласилась на брак и, ласково ластясь к матери, тут же забыла былые обиды.

Узнав об этой затее, старый господин Ци пришёл в ярость. Он ругал женщин на чём свет стоит, обвиняя в безрассудстве: у него подрастали ещё трое сыновей от наложниц, род Ци отнюдь не угасал, так с какой стати им принимать в семью чужака на правах примака? Однако госпожа Ци устроила безобразную сцену. Она рыдала навзрыд, причитая над именем покойного первенца, и кричала, что лишилась старшего сына, и если из-за несчастного брака беда случится ещё и с дочерью, то ей останется только перерезать себе горло прямо здесь и сейчас.

У старого господина Ци от её воплей голова шла кругом. В конце концов, рассудив, что лишний рот семью не разорит, он решил не тратить силы на бесполезные споры. Плюнув на всё, старый господин Ци отправился искать утешения в объятиях ласковых содержанок, предоставив жене и дочери полную свободу действий.

Что же до Линь Сяофэна, то его притащили в усадьбу связанным, совершенно сбитым с толку. Когда несчастному объявили, что он должен жениться на молодой барышне, он поначалу отчаянно сопротивлялся. Но едва юноша сообразил, что попал в дом самого министра Ци, чьё имя пользовалось огромным авторитетом среди столичных книжников, и когда госпожа Ци пообещала ему щедрое содержание и покровительство на чиновничьем поприще, сомнения его растаяли. Поломавшись для приличия, он покорно склонил голову.

Когда госпожа Ци поинтересовалась его происхождением и близкими, молодой человек со вздохом поведал:

— Семья вашего ничтожного слуги некогда владела богатым делом в благородном краю Цзяннань. Но, увы, моего батюшку во время торговой поездки лишили жизни разбойники. Матушка, получив это страшное известие, слегла от горя и вскоре последовала за ним в загробный мир. Жадная до чужого добра родня тут же прибрала к рукам наше имущество, а меня выставила за порог. Лишь благодаря преданности старого слуги, который тайно вручил мне пятьдесят лянов серебра, я смог добраться до столицы и сдать экзамены.

— Стало быть, ты остался совсем один на всём белом свете... — В душе госпожа Ци возликовала ещё сильнее, но напустила на себя жалостливый вид и ласково произнесла: — Бедное дитя. Отныне поместье Ци станет твоим родным домом, а во мне ты обретёшь любящую мать.

Растроганный до глубины души Линь Сяофэн тут же пал ниц, выражая свою признательность. Чтобы утереть нос пасынку, госпожа Ци поспешила сыграть свадьбу дочери раньше, чем женится Ци Хэли. И хотя жених входил в семью на правах примака, торжество обставили с небывалым размахом.

Большая часть утвари и свадебных принадлежностей, которые когда-то загодя готовили для покойного Ци Фэнцзю, пошла на убранство свадьбы его сестры. Более того, госпожа Ци под предлогом спешки велела поселить новобрачных в Дворик Платанов. Эта великолепная усадьба, примыкающая непосредственно к главным покоям, предназначалась исключительно для законного наследника рода. Но госпожа Ци рассудила просто: раз уж Ци Хэли посмел забрать себе суженого её покойного сына, то с какой стати потакать этой выскочке и его паршивой матери-наложнице, отдавая им лучшие сокровища поместья?

Устроив всё по-своему, госпожа Ци впервые за долгое время вздохнула с облегчением. Однако теперь, когда Дворик Платанов оказался занят, для грядущей женитьбы Ци Хэли требовалось подыскать другое жильё. Выждав момент, госпожа Ци явилась к супругу с фальшивой заботой на лице. Старый господин Ци наивно полагал, что для второго сына используют всё то, что уже было заготовлено ранее. Но, заглянув в расходную книгу, он обомлел: спешно сыгранная свадьба дочери сожрала львиную долю запасов.

— Да ты совсем из ума выжила! — рявкнул старый господин Ци, с размаху хлопнув раскрытой тетрадью по столу. — Твой второй сын берёт в жёны отпрыска маркиза! А муж Цюэцяо — всего лишь безродный примак! Неужели ты не способна отличить важное от второстепенного?! Как, по-твоему, на нас посмотрят будущие сваты? Что о доме Ци скажут мои коллеги и гости на свадьбе?!

— Вот именно потому, что он примак, я и не желаю, чтобы в будущем над ними кто-то потешался! — с вызовом парировала госпожа Ци. — У меня осталась единственная дочь. Естественно, я сделаю всё, чтобы исполнить любую её прихоть! Как я могу обделить родное дитя?!

— Но ведь среди этих вещей были уникальные редкости, которые за пару дней не сыщешь ни за какие деньги! Если на свадьбе Хэли не окажется достойных даров, нас же поднимут на смех, заклеив скрягами и нищелюдами! Как я после этого буду смотреть в глаза маркизу Цзянлину и княгине?! Где мне тогда искать своё потерянное лицо?!

— Подумаешь, велика важность! Неужели Цзяны из-за этого расторгнут помолвку? — Госпожа Ци мгновенно перешла в наступление, пустив в ход извечное женское оружие. Захлёбываясь слезами, она запричитала: — Мой бедный Фэн-эр едва успел остыть в могиле, а ты уже все свои мысли посвятил этому неблагодарному выскочке Хэли...

— Бабья глупость! Какое скудоумие! Разве семья Цзян — не твои же кровные родственники?! — Старый господин Ци яростно застучал кулаком по столешнице, но, когда речь зашла об их умершем первенце, его сердце дрогнуло. Тяжело вздохнув, он примирительно махнул рукой: — Ладно, ладно, довольно! Вели слугам спешно прибрать Павильон Притягивания Облаков в западной части поместья. Всё, чего не хватает для свадьбы, докупим на серебро из казны. Не вздумай позорить нас перед гостями!

Госпожа Ци вытерла заплаканные глаза, нервно комкая в руках платок, и тихо обронила:

— Но в нашей казне... совсем не осталось денег.

— Как это нет?! — опешил министр. — Все родовые угодья, лавки и доходы находятся под твоим началом! Куда подевались средства?!

— Тебе легко говорить! Если бы все эти годы я не тратила на семейные нужды собственное приданое, мы бы давно пошли по миру! Урожай в поместьях скудные, лавки почти не приносят прибыли, расходы давно превысили доходы! Да что там говорить... Я по крупицам собирала богатства, чтобы составить для нашего Фэн-эра достойные свадебные дары из десятка с лишним сундуков. Но Цюэцяо ведь тоже моя родная кровь! Разве её приданое могло быть скудным? Мне пришлось, скрепя сердце, отдать ей половину заготовленного для сына, да ещё и из своих личных запасов изрядно выделить, чтобы перед людьми стыдно не было. А теперь ты требуешь от меня собрать ещё один десяток сундуков для Хэли?! Откуда мне взять столько серебра?!

Она сокрушалась так искренне и горько, словно и впрямь разорилась дотла. На деле же Линь Сяофэн, входя в семью примаком, не принёс с собой ни единой монеты выкупа, зато щедрые свадебные подношения благополучно перекочевали из общего бюджета усадьбы Ци в личные лари госпожи Ци и её дочери. Кто остался в выигрыше, а кто в убытке — хозяйка дома знала превосходно.

— Невероятно... — растерянно пробормотал старый господин Ци. — Пусть наш род и не гребёт золото лопатой, но мы три поколения верой и правдой служили престолу, наживая добро. Как мы могли докатиться до такой нищеты?

Госпожа Ци, зорко следившая за его реакцией, вкрадчиво предложила:

— Может, отдашь мне своё чиновничье жалованье за несколько месяцев вперёд? Как только минуем эту грозу...

— Совсем от жадности рассудок потеряла?! Да что решат твои жалкие гроши государственного жалованья! — Старый господин Ци, разумеется, наотрез отказался расставаться со своими деньгами — ведь развлечения на стороне тоже требовали немалых трат. Оба супруга скопили солидные личные сбережения, но делиться ими ради свадьбы второго сына никто не желал. В покоех повисло тяжёлое, гнетущее молчание.

— К тому же маркиз Цзянлин славится своим широким нравом, он не из тех, кто станет мелочиться, — как бы между прочим заметила госпожа Ци. — Да и моя старшая сестра от законной супруги отца — женщина на редкость кроткая и уступчивая...

Услышав это, старый господин Ци поспешил ухватиться за предложенную лазейку. Родовая честь, конечно, штука важная, но жертвовать ради женитьбы бастарда собственным комфортом и привычкой жить на широкую ногу он не собирался.

— Вот именно! — поддакнул он супруге. — Наш дом принадлежит к скромному сословию служилых книжников. Мы поколениями хранили верность долгу и довольствовались малым, куда нам тягаться с богатством маркиза? Что бы мы ни поднесли, они всё равно сочтут это скромным. Пусть всё идёт своим чередом!

Когда людям неведом стыд, они поистине способны на любое бесстыдство. Супруги Ци, нацепив маски благообразного простодушия, в день помолвки отправили в дом Цзян наспех собранные свадебные дары, едва заполнившие десяток обшарпанных сундуков.

Ещё во время укладки даров старый господин Ци, глядя на это убожество, досадно морщился и качал головой — зрелище и впрямь было жалкое. Однако его супруга не пожелала добавить к подношениям даже медного гроша из своих запасов. Опасаясь всерьёз разгневать маркиза, министр в конце концов наступил на горло собственной жадности и выделил около десяти тысяч лянов на покупку дополнительных подарков. Да только что можно успеть приобрести в такой спешке? Купленные наспех безделушки годились разве что для видимости.

В процессе подготовки наложница Чжоу тайно подслала служанку Яньчжи разузнать, как обстоят дела. Услышав отчёт, она вне себя от ярости осыпала госпожу Ци проклятиями за её спиной. Но что она могла изменить? Собственных сбережений у неё не водилось, к тому же брат из родной деревни то и дело кланчил деньги на пропитание. Несчастной женщине оставалось лишь истово молиться богам и предкам, с каждым днём всё больше трепеща от страха, что столь завидная женитьба сына вот-вот сорвётся.

Когда свадебный поезд прибыл в заново отреставрированное поместье маркиза Цзянлин, супруги Цзян Бичэн уже ожидали гостей на почетных местах в главном зале. Сундуки с дарами один за другим заносили во внутренний двор и открывали перед хозяевами.

Присутствовавшая здесь же старшая дочь, Цзян Мэню, окинула принесённое добро беглым взглядом — и приветливая улыбка мгновенно сползла с её лица.

Цзян Бичэн тоже помрачнел. Склонившись к супруге, он негромко процедил:

— Не думал я, что Ци окажутся столь жалкими и мелочными! Они ведь не просто нас оскорбили — они растоптали собственную честь...

В душе госпожи Цзян шевельнулось запоздалое раскаяние. Она знала, что её сводная сестра от наложницы никогда не отличалась щедростью и благородством ума, но списывала это на юношеский вздор и полагала, что за годы замужества та остепенилась. Кто же мог предвидеть, что она выкинет такое? Переглянувшись с мужем, госпожа Цзян в нерешительности прошептала:

— Может быть, нам стоит...

Договаривать не требовалось. За долгие годы счастливого брака супруги научились понимать друг друга с полуслова: оба сейчас думали о том, что уж лучше пойти на открытый конфликт и расторгнуть помолвку, чем ради приличий обрекать любимого сына на жизнь в семействе бесстыдных скупцов.

Старый господин Ци вошёл в главный зал под руку со вторым сыном. Заметив угрюмое молчание хозяев, он сообразил, что запахло грозой, и поспешил засыпать их елейными речами. Он без умолку восхвалял величие и роскошь обновлённого поместья, попутно скромно сетуя на собственную безупречную честность на службе престолу, из-за которой его казна пуста, а эти дары — всё, что он смог собрать, буквально вывернув карманы.

— Полноте, брат Ци, уж не запамятовали ли вы? — холодно прервал его Цзян Бичэн, даже не удостоив обращением «сват». — Не так давно ваша достопочтенная дочь сочеталась браком. Я лично присутствовал на том торжестве и слышал, как гости восхищались её приданым — его обилие и роскошь поистине поражали воображение. Выходит, это нашему скромному поместью маркиза не под силу тягаться с щедростью столь благородного и бескорыстного семейства?

Ци Хэли, при всей своей прямооте, сразу уловил скрытую в этих словах насмешку и понял: дело в подношениях. Сердце его болезненно сжалось от дурного предчувствия. Ему до сих пор казалось сном то, что он действительно сможет назвать Цзян Мэнчжэня своим супругом. Отчаянно дожидаясь этого дня, юноша от волнения не сомкнул глаз всю ночь, поднялся с первыми петухами, облачился в праздничные одежды и сидел на самом краешке стула, считая минуты до рассвета. И вот теперь, когда всё должно было решиться, земля уходила из-под ног. Маркиз мрачнел с каждой секундой, и заветный брак, казавшийся таким близким, рушился на глазах.

Обида, злость и жгучее бессилие захлестнули его. Он и представить не мог, что отец с мачехой настолько лишены стыда, что осмелятся прислать дары, заставившие хозяев этого благородного дома измениться в лице от негодования! Долгожданная мечта рассыпалась

прахом. Ци Хэли едва сдерживал подступающие к горлу слёзы. Если бы надежды не было вовсе, смириться было бы куда проще. Но нет ничего мучительнее, чем стоять на пороге счастья и видеть, как его жестоко отбирают из-за чужой подлости и глупости.

Старый господин Ци, прекрасно понимая шаткость своего положения, промямлил в ответ нечто невнятное. Он никак не ожидал, что маркиз станет устраивать сцену прямо при гостях. Старик надеялся, что обе стороны ради приличия закроют глаза на недоразумение, а в крайнем случае семья Цзян просто урежет ответное приданое. Чувствуя себя оплётанным и уязвлённым, министр втайне исходил желчью:

«Этот негодяй Цзян Бичэн совершенно потерял стыд! Как смеет он так позорить меня!»

Он жаждал породниться с могущественным кланом ради выгоды, но стоило столкнуться с отпором, как он тут же обвинил сватов в высокомерии и спеси, даже не сознавая, каким ничтожеством выглядит сам.

Ци Хэли никогда не питал иллюзий насчёт отца. Слушая его нелепые, жалкие оправдания, юноша чувствовал, как внутри у него всё леденеет от стыда.

Ему невольно вспомнились обрывки разговоров, которые вели в его присутствии Яньчжи и наложница Чжоу. Его сводная сестра Ци Цюэцяо бездумно выложила несколько тысяч лянов за пару старинных ваз, а обнаружив подделку, просто в ярости разбила их вдребезги. Его отец в прошлом месяце, желая снискать благосклонность столичной куртизанки, за одну ночь швырнул на ветер сотню золотых. О тратах мачехи и говорить нечего: её страсть хвастаться нарядами и драгоценностями перед подругами обходилась казне в целые состояния. Но когда дело дошло до его замужества, у них не нашлось средств даже на то, чтобы собрать приличные дары и не сгорать со стыда перед сватами!

Юноша никогда не считал чужие деньги и не претендовал на семейное наследство, но эта бездушная скупость ранила его в самое сердце. Случись подобное при иных обстоятельствах, он бы и бровью не повёл. Но сейчас решалась его судьба. Судьба и единственная возможность связать жизнь с Цзян Мэнчжэнем. Чудо, о котором он не смел даже грезить, упало к нему в руки, но близкие хладнокровно топтали его счастье. С ним обращались как с послушной марионеткой: сперва дали надежду, а теперь безжалостно отбирали то, ради чего стоило жить. Но смириться с этим? Никогда!

В характере Ци Хэли всегда жило упрямство дикого зверя. Раз уж положение стало отчаянным, терять ему больше было нечего — пришло время драться за своё будущее.

— Маркиз, — юноша резко поднялся и отвесил глубокий, почтительный поклон Цзян Бичэну, не смея поднять головы. — Ваш ничтожный слуга самолично приготовил дар для молодого господина Цзяна. Молю вас, примите его, несмотря ни на что.

Цзян Бичэн прекрасно понимал, что юноша не властен над решениями старших, и не собирался срывать на нём злость.

— Поднимись, не нужно этого, — вздохнул маркиз. — Я умею отличать зёрна от плевел. Твой поступок спас мою семью, и я меньше всего желаю причинить тебе боль... Что ж, пусть слуги несут твой подарок. Посмотрим, какими ещё диковинками вы решили нас удивить.

Старый господин Ци побагровел от стыда, но Ци Хэли, проигнорировав колкость в словах хозяина дома, выпрямился и сделал знак двум слугам, замыкавшим процессию.

Слуги внесли в залу пару живых диких гусей, шумно хлопавших крыльями. Тонкие шеи птиц были украшены алыми лентами, стянутыми в простые узлы согласия. Супруги Цзян пригляделись, и на их лицах удивление сменилось глубоким облегчением.

— Этих диких гусей я поймал сам, — просто и бесхитростно произнёс Ци Хэли, не умевший говорить красивых и витиеватых речей. — И эти узлы согласия на их шеях тоже завязал своими руками.

В усадьбе Ци всеми делами заправляла мачеха, и её волей Ци Хэли был полностью отстранён от подготовки свадебных даров. Но он помнил старинное предание: в прежние времена истинно благородные мужи преподносили невесте живую пару диких гусей в знак нерушимой верности. Ныне эти птицы стали редкостью, поймать их живыми считалось почти невозможным, отчего повсеместно благородных птиц заменяли обычными домашними гусями.

Как раз наступала осень, время перелёта птиц на юг. Вооружившись луком и стрелами, Ци Хэли несколько дней провёл в лесах близ столицы, но так и не встретил ни одной стаи. Расспросив местных охотников, он узнал, что гусиные стаи облетают столичные уголья стороной, держа путь через гору Яньдан в провинции Цзичжоу. Не теряя ни минуты, юноша вскочил на коня и помчался на север. Несколько дней и ночей он провёл в засаде среди неприветливых утёсов горы Яньдан. Небеса сжалились над его упорством: ему действительно удалось изловить пару живых и невредимых птиц. Сжимая драгоценную ношу, он без отдыха поскакал обратно, едва успевая к назначенному дню.

О своей задумке он не сказал ни единой душе. Лишь перед самым выходом велел новоприставленным слугам, А-Да и А-Эру, нести корзины с птицами позади праздничной процессии, в то время как напоказ впереди несли двух откормленных домашних гусей, укутанных в алый шёлк по приказу отца.

— Вот как? — На лице Цзян Бичэна при виде редких птиц наконец проступила искренняя радость. — Неужели в окрестностях столицы ещё можно встретить диких гусей?

— Нет, почтенный маркиз. Я добыл их на горе Яньдан в Цзичжоу.

Супруги Цзян обменялись многозначительными взглядами. Богатство подношений никогда не стояло для них на первом месте — им важно было видеть, как в семье жениха примут их драгоценного Цзян Мэнчжэня. И то, что Ци Хэли ради своей любви проделал столь опасный и долгий путь, не страшась невзгод, доказывало: его чувства чисты и искренни. Такое отношение не купить ни за какие сокровища мира.

Госпожа Цзян устремила взгляд на замершего посреди зала юношу. Сжав кулаки, он стоял прямо, словно натянутая струна, его губы упрямо сжались в тонкую линию, а в глазах читалась непоколебимая решимость. Ци Хэли и сам не подозревал, что в глубине его тёмных зрачков пряталась затаённая мольба — он походил на верного, преданного пса, который не умеет просить словами и лишь преданно и кротко заглядывает в глаза хозяину, надеясь на каплю ласки.

— Без труда можно сыскать бесценные сокровища, но верное сердце — величайшая редкость, — проговорила госпожа Цзян, поднимаясь с места.

Она подошла к птицам и бережно связала алые ленты на их шеях вместе, сотворив из них сложный узорный узел долголетия — символ вечного союза. Затем она с материнской нежностью коснулась плеча Ци Хэли и ласково улыбнулась:

— Хороший ты мальчик. Мой сын не ошибся в своём выборе.

В глазах Ци Хэли вспыхнуло ослепительное, ликующее пламя. Горло его перехватило от избытка чувств, он шевельнул губами, но так и не смог выдать ни слова. Ему оставалось лишь со всей искренностью склониться перед ней в глубочайшем поклоне.

Госпожа Цзян бережно помогла ему подняться и тихо, проникновенно произнесла:

— Сбереги это чувство в своём сердце. Помни, с какими помыслами ты просил руки Мэнчжэня... Дикие гуси — самые верные птицы на свете, выбирающие пару один раз и на всю жизнь. Лишь тот, чья любовь неизменна, обретёт истинное счастье.

В её миндалевидных глазах, так похожих на взор её сына, блеснули слёзы. Ци Хэли показалось, будто сам Цзян Мэнчжэнь смотрит на него сквозь пелену слёз. Юноша содрогнулся всем телом. Он боготворил своего возлюбленного и скорее дал бы вырвать себе сердце, чем позволил хоть одной слезинке упасть из этих прекрасных глаз.

Трепет первой юношеской встречи, подобно чистому лунному свету, озарял его душу все эти годы, ничуть не угаснув. Набрав в грудь воздуха, Ци Хэли твёрдо, отдельно выговорил каждое слово:

— Клянусь, я никогда не предаю его.

Суровое лицо маркиза заметно смягчилось. Он смерил юношу оценивающим взглядом, и в глазах его промелькнуло одобрение.

— Твоё упрямство мне по душе, — усмехнулся он. — Лишь сильные духом способны вершить великие дела. Однако помни: то, что слишком твердо, легко ломается. Не позволяй слепой ярости и гордыне ослепить твой разум, иначе погубишь и себя, и тех, кто тебе дорог, а

раскаяние придёт слишком поздно.

Ци Хэли покорно склонил голову. Слова Цзян Бичэна и его супруги были чистым золотом истины, но в тот миг, опьянённый неожиданным счастьем, юноша не придавал им должного значения. Лишь много лет спустя, оборачиваясь назад, он поймёт, что это предостережение оказалось пророчеством, сбывшимся с пугающей точностью, оставив после себя лишь горечь невосполнимой утраты.

Когда все преграды были преодолены, слуги ввели в зал официальную сваху, и стороны подкрепили союз обменом брачными обетами и подписями на свитках.

Все скромные подношения, присланные семейством Ци, господу Цзян до последней безделушки вернули обратно, добавив их к приданому сына. Его старшая сестра, Цзян Мэню, отличалась кротким нравом лишь с виду, на деле обладая несгибаемым характером и не прощая обид. Пусть её родители решили замять неловкость с подарками, она затаила обиду и, желая во что бы то ни стало защитить честь брата, выделила огромные средства из личных сбережений, дабы украсить его свадебный выезд.

В день свадьбы Цзян Мэнчжэня его легендарное «десять ли красного приданого» повергло столичную знать в благоговейный трепет. Когда первые сундуки со свадебным добром уже вносили в ворота усадьбы Ци, последние носильщики ещё даже не покинули порог поместья маркиза Цзянлин.

Плотный шелковый платок скрывал от него мир, окрашивая всё вокруг в багровые тона. Простившись с родителями, Цзян Мэнчжэнь покинул родное гнездо. Под громкие переливы флейт и грохот барабанов свадебный паланкин доставил его в поместье Ци. В этих стенах он провёл несколько безмятежных лет, зная здесь каждый уголок, но сегодня, в новом качестве законного супруга, усадьба показалась ему чужой и пугающей.

Медленно ступая за проводником, он опускал взгляд в землю. В узком просвете под краем парчи мелькали лишь бесчисленные подошвы снующих слуг. Наконец перед ним замерли полы роскошного праздничного одеяния и обутые в них ноги — простые, даже грубоватые чёрные сапоги, совсем не сочетавшиеся с великолепием вышивки.

«Среди стольких людей, встречавшихся на моём пути... почему именно этот человек в итоге оказался рядом?»

Цзян Мэнчжэнь не находил ответа. Когда зычный голос распорядителя возвестил начало обряда: «Поклонитесь Небу и Земле!», юноша в каком-то оцепенении опустился на колени. За этот год произошло слишком много потрясений. Он даже не успел разобраться в собственных чувствах, как безжалостный рок подтолкнул его в объятия Ци Хэли, сделав его законным супругом младшего брата.

Он ведь готовился связать судьбу с Ци Фэнцзю, а в итоге разделил ложе с его младшим братом. Когда служанки усадили Цзян Мэнчжэня на брачное ложе, им овладело чувство горькой нелепости происходящего. Он не знал, как смотреть в глаза новоиспечённому мужу. Молодой супруг чутко прислушивался к каждому шороху за дверью, но в покоях царила мёртвая тишина. Время шло, но шагов Ци Хэли так и не было слышно.

Тревога закралась в его душу. Цзян Мэнчжэнь и без того не верил в прочность этого союза, а теперь мрачные думы одолевали его одна за другой. Вдруг Ци Хэли недоволен этим браком? Быть может, юноша согласился на него лишь под давлением долга, щадя гордость двух семей? Задержали ли его пьяные гости на пиру или же он сознательно избегает встречи?

Биянь, стоявшая у постели, изнывала от беспокойства. Сбегав на разведку, она вернулась и взволнованно прошептала:

— Чжухэня вы совсем избаловали! Я велела ему караулить у гостевых столов и сразу предупредить, как только второй молодой господин направится сюда. А его и след простыл! Наверняка опять где-то бездельничает. Я уже отправила других слуг на поиски, потерпите ещё немного, молодой господин...

Ночь вступала в свои права, а вместе с ней крепла и тяжелая тоска в груди Цзян Мэнчжэня. Он не мог вообразить, что в самую важную, брачную ночь останется один в пустой спальне. Если Ци Хэли так и не явится, неужели ему придётся просидеть до рассвета в этом нелепом наряде? Как после такого позора он сможет завтра смотреть в глаза домочадцам Ци?

Внезапно за дверью раздался торопливый шаг. Цзян Мэнчжэнь невольно выпрямился, сердце его забилось чаще, но звуки шагов затихли в отдалении.

— Сестрица Биянь... — раздался едва слышный шёпот юной служанки Цзянсян. Она заглянула в приоткрытую дверь и поманила старшую товарку рукой, предлагая выйти наружу.

Биянь сделала шаг к выходу, но Цзян Мэнчжэнь мягко удержал её за край рукава. Под тонким алым шёлком, где искусные мастерицы вышили уток-мандаринок и распустившиеся бутоны лотоса — символы вечной супружеской любви, — он вглядывался в безупречные стежки, сиюсь сохранить остатки хладнокровия.

— Говори здесь, — тихо, но твёрдо приказал он.

— Слушаюсь, — робко пропищала Цзянсян, не смея ослушаться хозяина. — Праздничные столы уже убрали, гости расходятся. Говорят, второй молодой господин покинул пиршество довольно давно, только вот... никто не знает, куда он направился.

Внутри у Цзян Мэнчжэня всё перевернулось от обиды. Оказаться брошенным в брачную ночь, так и не дождавшись, пока муж сорвёт свадебное покрывало — бывал ли на свете позор горше? Под покровом шёлка он зажмурился, сдерживая подступающие слёзы. Алое марево перед

глазами поплыло, но плакать в такую ночь считалось дурной приметой, сулящей несчастье. Юноша до крови закусил губу, до боли вонзая ногти в ладони.

Когда Чжухэнь уводил Ци Хэли с пира, тот был пьян в стельку. Гости — кто из добрых побуждений, а кто из тайной злобы — без умолку подносили новобрачному чашу за чашей. Юноша почти никого из них не знал, но, будучи молодым, горячим и переполненным счастьем, легко поддавался на уговоры и осушал кубки один за другим, пока лицо его не запылало багровым румянцем.

Усадив бесчувственное тело на скамью в тихой галерее, Чжухэнь сердито проворчал:

— Пить ведь совсем не умеешь, зачем в горло заливал всё подряд?! А ну очнись, у меня к тебе важное дело!

Прохладный ночной ветер немного отрезвил Ци Хэли. Он с трудом разлепил веки и глупо воззрился на слугу. Спустя мгновение его лицо расплылось в блаженной улыбке:

— Это... это он послал тебя за мной? Как же хорошо, Чжухэнь... просто поверить не могу, что этот день настал...

Чжухэнь решил, что пьяный юноша говорит о них двоих. Кокетливо надув губы, он с ревностью в голосе процедил:

— Что хорошего-то? Ты ведь теперь женат на другом... — Видеть, как тот, к кому он питал нежные чувства, связывает жизнь с соперником, было невыносимо. — Скажи, ты вообще думал о нашем будущем? Как нам теперь быть?

— Какое... какое ещё будущее? — заплетающимся языком пробормотал хмельной жених. — Что ты там стоишь столбом? Помоги мне дойти... Он ведь ждёт меня... заждался, наверное...

— Да сиди ты! От тебя несёт перегаром на три ли вокруг, удушье одно!

— Верно... верно говоришь. Надо проветриться... чтобы его... не обидеть дурным запахом. — Ци Хэли принялся неуклюже оттягивать ворот халата, подставляя грудь ледяному ветру, и глуповато хихикал, совершенно не чувствуя стужи.

— Да что ты заладил: «он» да «он»! — Чжухэнь в ярости топнул ногой. — Все вы, мужики, одинаковы! Только новую игрушку увидите — и старое вон!

Ци Хэли замотал головой так неистово, словно китайский барабанчик-погремушка:

— Нет... я не такой... Клянусь, я никогда... не предам!

— То-то же, — немного смягчился слуга.

Они ещё немного препирались, не слыша друг друга. Опасаясь, что их хватятся, Чжухэнь рывком поднял шатающегося юношу на ноги и повёл по глухой боковой тропинке. Эта дорожка уводила прочь от Павильона Притягивания Облаков, где томился новобрачный, и вела напрямик к Павильону Слушания Дождя.

— Посиди здесь тихонько... — Чжухэнь устроил хмельного господина в глубоком кресле и, густо покраснев, шмыгнул в опочивальню.

Оказавшись в тепле, Ци Хэли снова провалился в сонный дурман. Нащупав на столике чайник, он несколько раз встряхнул его, но не выдавил ни капли влаги. Жажда нестерпимо жгла горло, и он хрипло позвал:

— Чжухэнь... эй, Чжухэнь!

Из глубины комнат донёсся недовольный голосок слуги:

— Да не кричи ты так, иди сюда сам!

Кое-как поднявшись, Ци Хэли побрёл на зов, словно шагая по облакам. Много лет назад Чжухэнь уже приводил его сюда тайком. В памяти юноши до сих пор жил образ безмятежно спящего на ложе Цзян Мэнчжэня, прижимавшего к груди пушистого котёнка... Шатаясь и задевая углы, он миновал узорчатую стеклянную ширму и застыл. На ложе сидел силуэт, укрытый с головой ярко-красным свадебным покрывалом.

— Брат Мэн... — прошептал Ци Хэли. Взор его затуманился, а голос звучал столь тихо и благоговейно, словно он боялся неосторожным вздохом разрушить это дивное видение.

— Что вы тут столпились?! Живо отправляйтесь на поиски!

Биянь в отчаянии мерила шагами комнату. Видя, что ночь близится к концу, Цзян Мэнчжэнь лишь тихо вздохнул:

— Оставь это. Не нужно поднимать шум, иначе завтра об этом позоре прослышит всё поместье.

— Быть может... вам стоит прилечь, молодой господин?

Цзян Мэнчжэнь безмолвно покачал головой, продолжая сидеть неподвижно, словно каменное изваяние.

Так он просидел до самого рассвета. Едва первые лучи солнца озарили небо, как от госпожи Ци явилась старая нянька. Она бесцеремонно объявила, что хозяйка дома уже изволила пробудиться, и новобрачному ни в коем случае не следует опаздывать к утреннему чаепитию и представлению предкам.

Цзян Мэнчжэнь молча поднялся на затекшие ноги. Протянув руку, он ухватился за край шёлкового покрывала и медленным, уверенным движением стянул его вниз. Свет вновь озарил его лицо, но мир вокруг безвозвратно изменился. Из прекрасного, окружённого почётом гёера из поместья маркиза он в одночасье превратился в посмешище, вынужденное собственноручно срывать с себя свадебный венец.

От бессонной ночи его прекрасный лик казался бледным и измученным. Глядя на своего господина, Биянь почувствовала, как сердце её сжимается от жалости. Глаза преданной служанки наполнились слезами.

— Молодой господин...

— Полно, — тихо прервал её Цзян Мэнчжэнь. — Ступай и одари няньку серебром за благую весть.

Брачные свечи с изображением дракона и феникса почти догорели, роняя на подсвечники багровые восковые слёзы. Цзян Мэнчжэнь опустился перед зеркалом, созерцая своё отражение в праздничных одеждах. Истинно прекрасный юноша не может не знать о своей пленительной силе, ведь с самого детства он жил среди восхищения и похвал. Обычно Цзян Мэнчжэнь пренебрегал белилами и румянами, но вчера ради торжества слегка коснулся губ и щёк алой краской. В сочетании с расшитым золотыми нитями подвенечным нарядом его облик сиял подобно весеннему цветку персика. Увы, это ослепительное великолепие всю ночь оставалось скрыто во тьме опустевших покоев, так и не дождавшись того, кто должен был им восхищаться.

В комнате повисло гнетущее безмолвие. Когда Чжухэнь попытался тихонько проскользнуть внутрь, Биянь тут же перехватила его у порога и сердито прошипела, ухватив за плечо:

— Бездельник! Где тебя вчера черти носили?!

— Сестрица, пощади! — взмолился Чжухэнь, пятясь и отводя взгляд в сторону. — Вчера у банкетного зала я столкнулся со знакомыми ребятами из прислуги. Они буквально силой заставили меня выпить с ними за здоровье молодых. Ну я и не рассчитал сил... Уснул прямо на галерее и проспал так до самого утра!

Почувствовав исходивший от него кислый запах перегара, Биянь не усомнилась в его словах.

— А второго молодого господина ты видел? — строго спросила она.

— Когда я уходил, его милость ещё пировал с гостями. А в какой час он изволил покинуть зал — мне неизвестно...

Младшая служанка внесла таз с тёплой водой. Отстранив прислугу, Цзян Мэнчжэнь собственноручно снял тяжёлые золотые украшения и бережно смыл остатки свадебного грима. Когда обезумевший от раскаяния Ци Хэли наконец ворвался в спальню, перед ним предстал юноша, облачённый в простое повседневное платье глубокого синего цвета. Его волосы были стянуты скромной заколкой из зеленого нефрита, а лицо казалось мертвенно-бледным. Того ослепительного, сказочного образа новобрачного в багряном шелку Ци Хэли не суждено было увидеть уже никогда.

<http://bllate.org/book/19598/2002417>